

Звезда еврейской эстрады

Поцарапанная от долгой эксплуатации недолгоиграющая пластинка Апрелевского завода сидит на стареньком проигрывателе. Из динамика несутся звуки чарующего голоса. Я ничего не понимаю на идиш, но голос этот завораживает. В нем исключительное тепло интонаций, благодаря которым можно догадаться, о чем говорит и о чем поет артистка.

— Это — Сиди Таль! — с уважением говорит мой родственник, знающий идиш, и "близко к тексту" сообщает мне содержание песни.

Я навсегда запомнил это имя, а потом не раз слышал от разных людей восторженные впечатления от программ этой артистки. О ее мастерстве говорили не только евреи. Как всякий талант, Сиди Таль привлекала людей разных национальностей, для которых искусство — это язык, не нуждающийся в переводе.

Сорл, которая станет известной миру как Сиди Таль, родилась в 1912 году в Черновцах в семье пекаря Лейбы Биркенталь. На рубеже XIX и XX столетий Черновцы — крупный еврейский культурный центр, с библиотеками, школами, передвижными драматическими коллективами. Здесь много носителей языка идиш. Именно в Черновцах в августе-сентябре 1908 года была созвана конференция по распространению идиша с участием писателей Ицика-Лейбуша Переца, Шаломы Аша, Авраама Райзена. Это была первая международная научная конференция по вопросам языка идиш и литературы на идиш. Она провозгласила идиш национальным языком еврейского народа.

Культура города не могла не повлиять на талантливую девочку. Сорл Биркенталь в четырнадцать лет вошла в еврейскую артистическую труппу. Зрители сразу полюбили ее. После успешных выступлений в Черновцах передвижной театр выехал на турне в Бессарабию. И здесь успех спектаклей во многом был обусловлен талантом юной актрисы.

Когда Сорл исполнилось пятнадцать лет, двоюродный брат, актер, увез ее в Бухарест. С 1927 года она стала выступать на сцене одного из еврейских театров. Тогда же взяла псевдоним — Сиди Таль. Известность ее росла год от года. С 1937 года Сиди Таль — актриса Камерного театра в Бухаресте. Спектакли, в которых она играла центральные роли, всегда шли с аншлагом. Во второй половине тридцатых годов открывается новая грань богатого дарования Сиди — талант эстрадной актрисы. Она исполняет короткие моноспектакли, скетчи, песенки.

В апреле 1939 года — после того как фашисты начали последовательную травлю еврейского искусства, Сиди Таль покинула Бухарест и возвратилась в Черновцы. Здесь актриса продолжила свою творческую деятельность. Однако это продолжалось недолго. Когда началась Великая Отечественная война, она эвакуировалась и с головой погрузилась в работу на эстраде: выступала в госпиталях, перед бойцами, которые отправлялись на фронт, перед тружениками тыла. Как многие актеры еврейских театров, Сиди Таль надеялась, что после Победы она сможет в полной мере реализовать свои творческие планы. Увы, все оказалось совсем не так...

В первые послевоенные годы Сиди Таль много гастролирует по стране. Жанр, созданный Сиди Таль, — нечто новое, на рубеже театра и эстрады. Это своеобразная авторская феерия. Актрисе, по словам Леонида Утесова, на сцене были одинаково подвластны и юмор, и лирика, и трагизм. В выступлениях Сиди Таль было все: и драматическая игра, и песня, и танец, и пантомима... Великий Соломон Михоэлс после концерта Сиди Таль в театре сада "Эрмитаж" в Москве воскликнул, обращаясь к поэту Арону Вергилису, в то время руководителю еврейского вещания на Всесоюзном радио: "Ее речь! Язык! Ее галицийский идиш! Ведь он составлен не только из слов, но и из вздохов, вдохов и выдохов, обладает особой музыкальностью и не повторяющейся ни в одном другом еврейском диалекте интонацией".

Но несмотря на всесоюзное признание, тучи над головой Сиди Таль и других деятелей еврейской культуры сгустились...

...Шел 1952 год. Средства массовой информации сообщали, что в стране действуют коварные враги народа: врачи-отравители, ученые, инженеры, изобретатели, писатели, артисты, все как один — продажные космополиты. Иными словами — евреи. Людей, ни в чем не повинных, расстреливали, сажали в тюрьмы, отправляли в ссылку. Под видом сокращения штатов в СССР закрыли все еврейские театры, в том числе и черновицкий. И оставили в Черновцах из всей труппы только концертную бригаду в составе трех человек: Сиди Таль, певица Раиса Мостославская и декламатор Яков Гольдман. Только благодаря Сиди Таль еврейская песня и еврейская шутка звучали на сценах областной филармонии и районных клубов.

В 1959 году в Колонном зале имени Лысенко в Киеве проходил юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхе-ма. На концерте присутствовала младшая дочь писателя Бэлл Кауфман. Увидев "Мальчика Мотла" в спектакле "Мне хорошо — я сирота!", она воскликнула: "Боже, сколько маленьких Мотлов я видела в исполнении

великих артистов, но этот, в концерте Сиди Таль, превзошел их всех. Именно таким его видел мой отец".

А вот небольшой отрывок из воспоминаний Тарапуньки и Штепселя. "Мы очень много хорошего слышали от наших коллег, друзей, тонких ценителей большого искусства о Сиди Таль. И по секрету говоря, даже испытывали какое-то неудобство оттого, что раньше с ней не были знакомы, не видели ее на сцене. Но что поделаешь, такова уж наша бродячая судьба, судьба вечных гастролеров. И причина того, что с таким опозданием шли на первое свидание с Сиди Таль, вполне уважительная. Ибо наш брат немного напоминает героев Шолом-Алейхема из "Блуждающих звезд". Не часто сходятся наши пути-дороги. Скажем, мы выступаем в Киеве, а Сиди Таль — в Москве. Мы на гастролях на Камчатке, а актриса в Ленинграде, в Кишиневе. Вот и попробуй встретиться! А тут, на счастье, мы оказались дома. А в театре играла Сиди Таль. Вот и бросили мы все дела и кинулись стремглав в театр! С трудом мы протиснулись в зал, который был до отказа набит благодарнейшими зрителями. И когда дали, как говорится, занавес, и выпорхнула легкой грациозной походкой Сиди Таль, такое началось в зале, что словами не передашь! Аплодисментов — гром. Несмолкаемых.

Актриса и так, и эдак благодарила за горячий прием, просила успокоиться, дать ей возможность начать, но каждый ее жест, каждая улыбка вызывали новую бурю аплодисментов. И мы тоже крепко аплодировали и думали про себя: вот оно — счастье актера! Вот она, подлинная народная любовь и признательность! И по-хорошему позавидовали этой невысокой ростом, худощавой, необычно талантливой женщине Сиди Таль. С первых произнесенных фраз монолога в зале установилась невыразимая тишина, и надо было видеть глаза, лица зрителей, устремленные на сцену, где стояла волшебница.

Сразу же установился полный контакт между зрителями и актрисой. И Тарапунька сразу же понял, что может обойтись без перевода Штепселя, и все, до малейшего жеста все понял.

Мы встретились с настоящим искусством! Сиди Таль читала, вернее, играла "Мальчика Мотла" Шолом-Алейхема... Мы видели не только восхитительную игру актрисы, перевоплотившуюся в мудрого, наивного, горемычного мальчугана, но судьбу всех обездоленных детей, страдающих... но не унывающих, — у них теплится надежда, что жизнь станет иной, нельзя терять надежду на лучшее будущее. На какое-то время устами маленького героя актриса вернула зрителей в недалекое прошлое, когда народ Мотла томился в страшной "черте оседлости", в полной беспросвет-

ной безысходности. В зале еще не уgomонился гром аплодисментов, как мы уже увидели Сиди Таль в образе старой женщины, которая проводила на фронт своих любимых сыновей и ждет не дождется их. И все это сыграно было с такой душой и так правдиво! Сидишь и думаешь: какая актриса! Талант! Вот почему она пользуется у зрителей такой любовью. Вот оно — настоящее, большое искусство!"

В воспоминаниях Эдиты Пьехи можно прочесть такие слова: "Когда я пришла на концерт и впервые увидела Сиди Таль, то опасалась, пойму ли происходящее. Но тут сказалась сила настоящего искусства. Я понимала все по интонации, по ритму, по реакции зала. А когда артистка пела, я про себя пела вместе с ней". Почти то же самое говорят о Сиди Таль многие артисты, которым посчастливилось быть на ее программах. В зрелом возрасте актриса не ограничивалась только исполнительской деятельностью. Она помогала становлению молодых талантов Буковины. Так, Сиди Таль принимала активное участие в формировании вокально-инструментальных ансамблей "Червона рута" и "Смеричка", подаривших зрителю Софию Ротару и Василия Зинькевича. Мне неоднократно приходилось слышать от них слова благодарности мастеру, который искренне поддерживал молодых артистов в начале их творческого пути.

Вспоминая о Сиди Таль, нельзя не сказать хотя бы вкратце о ее муже Пинхусе Абрамовиче Фалике. Он был ее импресарио и режиссером, советчиком и другом. Долгие годы Фалик работал заместителем директора Черновицкой филармонии. О нем мне много рассказывал известный одесский театральный деятель, в прошлом директор-распорядитель Одесской филармонии Лев Григорьевич Потокский. По его словам, Фалик был человеком высочайшей культуры и широчайших знаний. Он обладал безупречным вкусом и чуткостью к людям. Авторитет его в бывшем Советском Союзе был незыблемым. Директора Черновицкой филармонии менялись, а Пинхус Абрамович оставался, и благодаря этому небольшой город на Буковине многие годы был по-настоящему крупным культурным центром страны. Именитые исполнители охотно ездили в Черновцы, зная, что от встречи на вокзале и до окончания гастролей их будут окружать внимание, забота, уважение...

О Пинхусе Фалике с большой теплотой вспоминал выдающийся украинский режиссер Василий Василько, который в послевоенные годы возглавлял Украинский театр в Черновцах. Он говорил о нем как об интеллигентнейшем человеке, который всем своим поведением олицетворял ту высокую академическую культуру, которую неустанно пропагандировал.

Они с Сиди Таль были замечательной парой. Никто никогда не слышал от них жалоб, казалось, что у них нет бытовых повседневных проблем, с которыми сталкиваются обыкновенные люди. Проблемы, конечно, были, но они были не главным в жизни этих творческих людей. Фалик и Таль были выше околотеатральных и филармонических склок. Их уважали за ту высокую человечность, которая является редким и прекрасным даром. Поэтому память об этих людях продолжает жить.

Сиди Таль скончалась 17 августа 1983 года. В этот день телеканалы со-рока стран мира прервали свои программы, чтобы сообщить о ее смерти.

На центральной аллее городского кладбища возле прекрасного памятника всегда лежат цветы. Именем Сиди Таль названа одна из улиц города. На доме, в котором она жила, и на фасаде областной филармонии, где она почти четыре десятилетия проработала, установлены мемориальные доски. Создан Международный фонд имени Сиди Таль. Была издана книга воспоминаний о Сиди Таль, в которой многие мастера искусств и десятки других самых разных известных в стране людей делятся впечатлениями о встречах с прекрасной артисткой.

Лишь фотографии и редкие записи остались как память о той, что умела радовать сердца и нести со сцены добрые чувства. Имя Сиди Таль принадлежит истории. Но история — это не склад ценных сведений и комментариев к ним, а источник творческой энергии. Если бы нашелся сегодня артист, создавший оригинальную программу памяти Сиди Таль, думаю, что успех был бы обеспечен.

